

МИХАИЛ

САМАРСКИЙ

для друга

Завтра выеду
автоstopом.

На попутках?

Да

А это не опасно?

Нет. Найду машину
до Ростова.
29-го буду у тебя.

Я так волнуюсь.

Двенадцать
прикосновений
к горизонту

Радуга для друга

Михаил Самарский

**Двенадцать
прикосновений к горизонту**

«АСТ»

2018

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Самарский М. А.

Двенадцать прикосновений к горизонту /
М. А. Самарский — «АСТ», 2018 — (Радуга для друга)

ISBN 978-5-17-105162-4

«Друзья, ни в коем случае не повторяйте то, что я совершил на прошедших новогодних каникулах. Это очень опасно! Если бы мне сейчас предложили снова проделать автостопом путь из Москвы в Ростов-на-Дону, то вряд ли бы я рискнул и согласился повторить... Стоп! Конечно же, я вру. Повторил бы! Причём повторил бы не задумываясь. Я почему поехал в этот... Ростов? Не ради каких-то дурацких приключений. Девчонка моя, Маша, живёт там. Соскучился я по ней жутко, вот и рванул. Понимаете? Вы никогда об этой истории и не узнали бы, но она оказалась настолько сумасшедшей, что не расскажи её вам — я бы чувствовал себя мошенником. Серьёзно говорю: такие истории скрывать нельзя».

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-105162-4

© Самарский М. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Дюжина прологов	6
1	6
2	9
3	11
4	13
5	14
6	15
7	16
8	17
9	18
10	20
11	23
12	24
Прикосновение первое	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Самарский

Двенадцать прикосновений к горизонту

© Михаил Самарский, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Если бы в нас было достаточно любви к тем,
кого мы любим, мы помешали бы им умереть.*
А. Камю

Дюжина прологов

1

В этот раз я не стал играть в «домашние тайны» – прежде чем послать рукопись в издательство, распечатал её на принтере и показал своим родным. Затея, правда, была рискованной, но не хотелось никого обижать. Вы знаете, как они дулись на меня за то, что я прошлым летом первую книгу «На качелях между холмами» «мыльнул» прямиком в издательство. С неделю оправдывался. Хотя я и не думал, что кто-то возьмётся опубликовать сочинение двенадцатилетнего школьника. Так, отправил на всякий случай. Но случилось то, что случилось: книгу издали, причём без сокращений и исправлений. Мои домашние просто офигели. Наверное, все родители немного похожи друг на друга. Помните, как герой Сэлинджера Холден Колфилд говорил о своих предках? «Вообще-то они люди славные, я ничего не говорю, но обидчивые до чёртиков». Точнее не скажешь. И я рискнул.

Бабушка (тут я дал маху: Лилии Степановне, конечно, без подготовки не стоило давать читать текст), дойдя до середины книги, обозвала меня чокнутым ребёнком и почему-то извращенцем. Затем наполнила весь дом отвратительным запахом валокордина и заявила, что теперь уж точно она отказывается принимать участие в моём воспитании: дескать, пусть теперь мама с папой меня и исправляют. «Свежо предание, да верится с трудом». Таких отказов было много, и этот оказался не последним. Бабуля моя ужасно гордится, что в совершенстве владеет английским языком, и частенько бросает в мой адрес всякие иноземные пословицы и поговорки, думая, что я всё равно не пойму. Но Лилия Степановна до последнего момента и не подозревала, что в моей голове уже накопилось достаточно английских слов, чтобы не только понять её выпады, но и достойно на них ответить. Вечером, вынырнув из своей комнаты, она прошла мимо меня и громко произнесла в сторону:

– Whom the gods would destroy, they first make mad¹.

Хм, королева Англии нашлась. По-английски она со мной разговаривает. Миленькая моя бабулечка, мы тоже не лыком шиты. Я, не отрываясь от экрана телевизора, так же достаточно громко говорю:

– God helps those who help themselves!²

Ну, это типа нашей поговорки: «На Бога надейся, а сам не плошай!». Бабушка чуть не поперхнулась. Вы бы видели её глаза! Она уставилась на меня и за две-три минуты бровями таких узоров на лице навыводила, что с помощью её мимики можно было бы проиллюстрировать всю поэму Гоголя «Мёртвые души»: здесь вам и Чичиков, и Коробочка, и даже Ноздрёв.

И знаете, что я вдруг заметил? Удивительно, но на фоне её величайшего изумления мелькнула искорка восторга – Лилия Степановна поняла: время безответных подковырок прошло. На этом «урок английского» был завершён. Бабушка села рядом со мной на диван и молча уставилась в телевизор. Спустя некоторое время она наклонилась ко мне, поцеловала в висок и, тихонько всхлипнув, прошептала: «Не обижайся на меня, внучек, я ведь переживаю за тебя. Прости меня, старую дуру...». Мы обнялись с бабулей и долго-долго сидели молча, оба время от времени смахивая слёзы. Вы не подумайте, что я такой уж плакса.

¹ Кого боги хотят погубить, тех они сначала лишают рассудка.

² Бог помогает тем, кто помогает себе сам.

Просто не могу сдержаться, когда рядом плачет женщина, тем более если это моя бабушка, занудливая до чёртиков, но ласковая, нежная и любимая.

С дедом проще, с ним мокрых дел почти не бывает. Правда, после рюмочки-другой иногда тоже мокрит, но это случается очень редко и совершенно по другому поводу. Прочитав рукопись, Михаил Александрович (мы с ним полнейшие тёзки) покряхтел, покашлял, погладил меня по голове, задумался и закурил. Сделал две-три затяжки, жестоко о дно пепельницы свернул красную голову окурку и, ещё немного помолчав, тихо сказал:

– Будь осторожнее, внук, видишь, жизнь теперь – собака, сложная штука. Затем, качая головой, удалился в свою комнату.

Мама прочитала, нахмурилась, повздыхала и произнесла буквально следующее:

– Я бы повременила с публикацией, и вообще, дорогой Миша, рановато мы тебе интернет разрешили.

Слава богу! Если честно, от мамы я ожидал худшего. Кажется, обошлось.

Отец поцокал языком, опустил уголки губ книзу, смешно сощурил один глаз и, отвернувшись от мамы, подмигнул мне:

– Мама права: для твоего возраста, Миха, немного жестковато, хотя... тебе решать, сын. Тут есть другая опасность, – подумав, добавил он, – полежит твоя писанина в столе, можешь ненароком её и уничтожить – такое иногда случается.

– Папа, – возразил я, – но ведь говорят же: «Рукописи не горят»!

– Твои персонажи в книге много чего говорят, – усмехнулся отец, – а поступают иначе. Говорить и поступать, сын, – это совершенно разные вещи. А если бы рукописи не горели, у нас, может, и история была бы другой, и жили бы мы по-другому. Так что повторяю: решай сам.

– Хорошо, пап, – кивнул я, – подумаю...

– Подумай, подумай, – съязвил отец. – А то вырастешь и скажешь потом, что родители тебя в детстве цензурой обложили. Читали мы твой эпиграф к «Качелям...».

Сдался им этот эпиграф. Сколько мне из-за него пришлось выслушать всяких высказываний. Одни говорят: повзрослеешь – поймёшь, что спорол глупость. Другие – мол, дети все такие, неблагодарные. Третьи... даже не хочу вспоминать. Главное, что за народ? Ведь слова о том, что детство – это не самое лучшее и приятное время жизни, принадлежат не мне, а Канту. Я всего лишь посчитал, что он недалёк от истины, мне кажется, он прав. Так нет же, философа никто не попрекает, а все шишки достались мне. С учёными нужно быть аккуратнее. Недавно один доктор филологических наук, прочитав в моей книге о том, что меня лично тошнит от инопланетян и вампиров, вдруг заявил: «Сомнительно, что тринадцатилетний подросток уже владеет такими оборотами». Нет, ну вы поняли? А какими оборотами я должен владеть? То есть, если я задумал написать книгу, я должен писать, используя те слова и обороты, которые мы произносим на перемене в школе и на улице? Хороша будет книжечка. Меня с ней не то что на порог издательства, а на пушечный выстрел к нему не подпустят. Учёному не понравилось и то, что я употребил в сочинении такие слова и словосочетания, как «ежели», «огрехи», «трапеза», «всплакнул», «на полном серьёзе», «выразил соболезнование» и даже «беда с этими взрослыми».

Извините, но мне только остаётся повторить: беда с этими взрослыми. Скажите: а для чего тогда нас учат в школе? Зачем нам уроки литературы и русского языка? Для проформы, что ли? Доктора филологических наук смутили мои синтаксические конструкции. Они показались ему слишком «взрослыми». Кроме того, учёный утверждает, что современным школьникам вряд ли знаком словарь Ушакова. Нет, ну это уже слишком. Это ни в какие ворота не лезет. У меня встречное сомнение: а знакома ли современным учёным-филологам поисковая система «Яндекс» с её словарями и другими примочками? Странные люди...

Ладно, бог с ними, с учёными. На чём мы остановились? А, вот: «решай сам». Хорошо, решать – так решать. Я и решил: отправляю в издательство. Не думаю, что своим рассказом оскорблю ваши чувства и потревожу чью-то нравственность. Я ничего в этой истории не придумал. Если и можно меня уличить в чём-то аморальном, то...

Впрочем, оставим всю эту муть. Заранее отвергаю упрёки и обвинения в свой адрес. Я не стремился к тем знакомствам, которые случились, и не искал себе нарочно друзей среди тех людей, с которыми мне довелось встречаться. Я даже время проводил вместе с ними вынужденно. Не разделяю многих их взглядов, не восхищаюсь их высказываниями и не обещаю их поступки. Иными словами, если и можно что-либо поставить мне в вину, так только то, что я всё это увидел, услышал, запомнил, записал и донёс до вас. А вы, уважаемые товарищи взрослые, будьте так любезны, позаботьтесь о том, чтобы ни я, ни мои сверстники больше такого не слышали и не видели. Хотя вряд ли у вас это получится. Ну а раз так, давайте будем терпимы и друг к другу, и к тому, что, о чём и о ком пишем.

Кстати, недавно один знаменитый режиссёр Александр Митта, давая интервью какой-то газете по поводу нашумевшего сериала «Школа», сказал: «Пример чернухи – «Ромео и Джульетта». Дети не уважают своих родителей, девушка развратничает, и вдобавок столько убийств. А на самом деле история любви двух прекрасных детей. В любом настоящем произведении можно высветить чернуху». Так-то...

2

Иногда мне кажется, взрослые могут научить детей чему угодно, только не умению любить.

Говорят, от любви до ненависти один шаг. Это правда? Значит, обратное расстояние тоже самое? Ну да. Что я спрашиваю? Вспомним математику: там вечно эти безликие придурки (велосипедисты, мотоциклисты, лыжники и пр.) едут из пункта А в пункт Б и наоборот. Подвох всех задачек как раз и заключается в том, что расстояние АБ равно расстоянию БА.

О! Ничего себе, до чего я додумался: моя бабушка замирает, когда слышит по телевизору свою любимую группу «АББА». Если бы вы видели это зрелище! Лилия Степановна мгновенно затихает, вливается взглядом в «плазму», широко раскрывает рот и делает шумный глубокий вдох. После чего на втором-третьем такте, выпуская возглас «О-о-о!», заламывает кисти рук, затем резко подымает руки вверх и, смешно ими махая, словно на неё миллион мух или пчёл напал, вертит по сторонам головой и кричит: «Все замолчали!». Потом, будто испугавшись собственной дерзости, тихонько добавляет: «Умоляю, дайте послушать».

«АББА». Если необычное название переложить на язык моей «любимой» математики, что выходит? Как романтично и красиво: любовь и ненависть, ненависть и любовь!

Как вы уже догадались, именно эти строки я пишу уже после того, как мои родственники рукопись прочитали. Нужно будет бабушке доложить свою теорию по поводу её любимой группы. Порадуется, наверное. Я так частенько делаю: придумаю какой-либо прикол и иду к бабуле. Она выслушает и сразу вопрос:

– Ты где это нашёл?

– В «сетке», – говорю.

Наивная старушка. Она почему-то думает, что интернет – это такая всемирная виртуальная библиотека. Не знаю, кто её в этом убедил, но она говорит:

– Мишенька, внучек, я понимаю, что у вас сейчас свобода слова, что за вами всё равно не уследишь, но, пожалуйста, ты не бери в своём «тырнете» плохие книги. Они до добра не доведут. Начитаешься всякой гадости, испортишь мозги, потом уже не выправишь. Хорошо, миленький?

– Хорошо, ба, – киваю я. – Только ты скажи мне: а как они называются, плохие книги? Бабуля посмотрит на меня пристально, покачает головой и скажет:

– Эх, Мишка, Мишка, у плохих книг названий нет. Каждый человек сам для себя определяет название.

Вот и пойми мою бабулю. Книжек плохих не читай, а названий не говорит. А зачем кочевряжиться, понял я всё: дескать, думай сам, что такое хорошо, что такое плохо. Только вот не получается никак без «плохих» книжек. Одними хорошими сыт не будешь. Да и привкус на душе остаётся: приторно как-то. Иногда хочется почитать и солёненького, и горького, и острого...

Что-то я перешёл на кулинарный язык. Но вы поняли, что я хотел сказать. Двигаемся дальше.

Слушайте, я вот что думаю: а это допустимо – в начале книги забабахать целую дюжину прологов? Впрочем, это моя книга. Сколько хочу, столько и пишу. Правильно? Я подумал: вот подрасту немного, поумнею, ещё книжек разных почитаю и напишу прикольный роман. Придумаю название и начну писать. Вначале напишу пролог. И буду писать, писать, писать... С полмиллиона знаков напишу и скажу: пардон, это был пролог, роман читайте в следующей книге. Читатель, наверное, офигеет. Но и это полбеды. Следующий роман будет эпилогом. Понимаете, в чём прикол-то? Издаю «Пролог» и «Эпилог», а года через два-три – сам роман. О, это будет настоящий роман! Всем романам роман! Вы не

подумайте, что у меня крыша подтекает. Я, между прочим, уже этот роман придумал. Дайте школу окончить. Как я хочу написать свою «Трилогию мечтаний»!

3

Кольцевые дороги – это, наверное, удобно.

Хотя дороги бывают разными. Я имею в виду не качество покрытия или их ширину, длину. Нет-нет, речь о другом. Небезызвестный Нестор (недавно проходили в школе) когда-то ходил по дорогам. И, вероятно, у него, как и у каждого из нас, была своя любимая дорога и пути, по которым ему не хотелось путешествовать. Возьмём, к примеру, меня. Я могу идти в школу как минимум по трём разным дорогам. Но почему-то хожу чаще всего по одной. И не сказать, что она самая короткая или удобная. Однажды я задумался, почему так. Решил: чтобы ответить на этот вопрос, буду в течение месяца каждый день ходить в школу разными дорогами. День хожу, два, три, неделю, месяц. Вы не поверите: я нашёл ответ, почему у меня есть любимая дорога. Но не торопите меня, я расскажу вам об этом чуть позже. Не забывайте, это ведь ещё не сама книга, а всего лишь прологи.

Пока подумайте, какая дорога привлекает вас. Вы куда-то часто ходите или ездите (разницы нет). Если думаете, что нам, школьникам, больше делать нечего, как думать о маршрутах, то, уверяю, вы заблуждаетесь. Я долго наблюдал за движениями папы и мамы и пришёл к поразительному выводу: из пункта А в пункт Б они ездят разными дорогами, причём, как я установил с помощью их же навигатора, не самыми короткими. Нет, это очень важно. Очень. Я даже думаю, что людей больше портит не квартирный вопрос, а именно дорожный. Точно говорю: всё зависит от пути.

И Александр Невский, и Дмитрий Донской вели на бой своих воинов по каким-то определённым, заранее спланированным маршрутам. Ну в самом деле, не могли же они идти к месту битвы как попало. Один – через поле, другой – через реку, третий – и вовсе в обход, как говорит мой дед, через сорок седьмой километр. Что это за войско было бы? Толпа какая-то.

Опричники Ивана Грозного выбирали, видимо, самые короткие пути. Им нужно было успеть прибыть в пункт назначения, чтобы какой-либо Князь Серебряный не перехватил инициативу.

А недавно я проделал путь вместе с Александром Николаевичем Радищевым. Язык его повествования, конечно, очень тяжёл для современного школьника, приходилось возвращаться по несколько раз в одно и то же место. Но всё равно очень интересно. Не пойму только одно: почему автора, казалось бы, безобидной книги хотели лишиться головы? Вот когда люди боялись слова. Хотя, что лукавить, некоторых слов и сейчас люди боятся. Того и гляди, если не голову снесут, то грязью так обольют, мало не покажется.

Потом были дороги Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Мне повезло: у нас «классная» – учительница русского языка и литературы – Оксана Петровна Гранина. Если бы видели и слышали, как она ведёт урок! Это не урок, а репетиция спектакля. Вообразим, что звонок на урок литературы – театральный звонок. Дверь в класс – занавес. Занавес подымается, входит «режиссёр», вспыхивают огни рампы, актёры замерли в ожидании... Репетиц... урок начинается, и мы всем классом путешествуем во времени... У нашей учительницы и безграмотный человек схватится за книжку. Только благодаря ей я прочитываю на каждой каникулах по целому мешку книг. На День учителя я подарил Оксане Петровне стихотворение:

Переступаю каждый день через порог,
В руках хранилище учебников.
На циферблате у меня не час – урок
Разбит на мудрые решебники.
Толстой и Нестор, Достоевский, Пифагор
Здесь уживаются в одной семье.

Не возникает между ними бранный спор,
Кто глубже след оставил на земле.
Спасибо Вам, учитель-проводник, за то,
Что каждый день ведёте по тропе
Наивное, полуслепое существо
К вершинам его будущих побед!

Не знаю, как с точки зрения правильности сложения стихов, но с точки зрения искренности, можете мне поверить, написал от чистого сердца.

Немного о моих родных. Они тоже выводят меня, но на другие дороги. Папа познакомил с путями Солженицына и Шаламова, мама – Ахматовой и Цветаевой, бабушка – Лорки и Бродского. А дед показал мне дороги Галича и Высоцкого.

Глядя на книжные полки домашней библиотеки, я знаю, что мне ещё предстоит прошагать по пыльным дорогам Бунина, Шолохова, Пастернака, Дудинцева и многих-многих других писателей. У русского читателя дорог очень много. Сколько ни ходи, всех, наверное, не пройдёшь. Моя сестра Лилька и та обнаружила свои тропинки у Минаева, Дарьи Донцовой, Вишневского.

4

Мне кажется, невыдуманных сюжетов не бывает, даже в научной фантастике.

После того как была издана первая книга, мне стали задавать вопросы: как я стал писателем, когда ко мне приходит муза, где я беру сюжеты. Ну, во-первых, давайте начнём с того, какой, к чёрту, из меня писатель? Писатель, как мне кажется, тот, кто выпустил как минимум с десяток книг и ему уже лет хотя бы двадцать-тридцать. Во-вторых, честно признаюсь: ни с какой музой я ещё не встречался. Клянусь, в глаза её не видел. Я думаю, муза не глупая тётка: зачем ей переться к тринадцатилетнему пацану, если вокруг полно взрослых настоящих писателей? Правильно? Вот и я о том же.

Теперь о сюжетах. Никаких секретов или хитрости. Я вас разочарую, но, честное слово, мои книги – это результат подслушивания и подсматривания. Нет-нет, не подумайте, что я делаю это втихаря и исподтишка. Просто слушаю, что говорят вокруг, смотрю, кто что делает, запоминаю, а потом вбиваю в ноутбук. Если что-то неясно, ныряю в интернет.

В книги идёт часть информации, остальное остаётся в архиве (может, когда-то пригодится). Если бы я написал всё, что у меня накопилось в ноутбуке, моя теперешняя книга получилась бы точно в миллион страниц. Кто бы её читал? Хотя интересного много. Но, как говорит Лилия Степановна, каждому овощу свой срок.

5

У ученья, известно, есть мать – повторенье. А кто отец?

Обращаюсь к сверстникам: друзья, ни в коем случае не повторяйте то, что я совершил на прошедших новогодних каникулах. Это очень опасно! Если бы мне сейчас предложили снова проделать автостопом путь из Москвы в Ростов-на-Дону, то вряд ли бы я рискнул и согласился повторить...

Стоп!

Нет, так нельзя. Некрасиво получается. Не верьте! Конечно же, я вру. И что я слюни распустил? Повторил бы! Причём повторил бы не задумываясь. Но тут другое дело. Я почему поехал в этот... Ростов? Не ради каких-то дурацких приключений. Девчонка моя, Маша, живёт там. Соскучился я по ней жутко, вот и рванул. Понимаете?

Вы никогда об этой истории и не узнали бы, но она оказалась настолько сумасшедшей, что не расскажи её вам – я бы чувствовал себя мошенником. Серьёзно говорю: такие истории скрывать нельзя. Плюс ко всему я и сам много нового узнал, а заодно и с вами поделюсь. Если интересно, продолжу. Тем более, забегая вперёд, скажу: аккурат перед Новым годом я уже было и с жизнью распрощался, но нашлись добрые люди, не дали погибнуть.

И, опять же, если бы взрослые не были такими недогадливými и толстокожими, всё было бы иначе. Я ещё на осенних каникулах просил родителей смотаться в Ростов-на-Дону. На денёк. Ну хоть на один денёчек, часочек! Взглянуть на свою девочку, прикоснуться к ней, вдохнуть аромат её волос, услышать шёпот её губ, ослепнуть на миг от её глаз... И можно ехать домой. Так меня никто не понял. Сказать, что влюбился, я постеснялся. А они не догадались, хотя как я только не намекал. Словом, измучился я и решил: будь что будет, но Машку на этих каникулах увижу. В общем, давайте по порядку.

6

Эх, яблоко, яблоко. Сейчас я вам расскажу о нём.

В наше время Ева не стала бы заморачиваться яблоком, она просто отправила бы Адаму эсэмэску.

С Марией мы познакомились прошедшим летом. Нам обоим исполнилось по тринадцать. Правда, у Машки день рождения на пять месяцев раньше, в марте, а у меня – в августе. Я сначала думал, что она будет нос задирать. Но обошлось. Мария на эту мелочь не обратила внимания и ни разу меня возрастом не попрекнула. Классная она девчонка. А родинка у неё на подбородке – настоящая бомба. Я когда вижу эту родинку, у меня голова начинает кружиться. А глаза! Видели бы вы её глаза. Вы не только в Ростов рванули бы, пешком на Чукотку отправились бы. Не помню, рассказывал или нет, но на всякий случай повторю. Дело в том, что глаза у Машки днём синие, а к вечеру становятся зелёными. Когда я рассказал об этом другу, Юрке Лофичевскому, тот сначала задумался, а потом вдруг предположил: может, она ведьма какая? Сказал бы кто другой, точно в лоб получил бы. Но Юрка, я же понимаю, пошутил. Никакая она не ведьма. Она как ангел, как голубка. И фамилия у неё соответствующая – Сизокрылая. Я однажды после её отъезда лежал ночью и думал: нас судьба неслучайно свела. Ну вот вы сами подумайте: моя фамилия Мирон, от слова «мир». Правильно? А у неё – Сизокрылая. Сто процентов от слова «голубь», вернее, «голубка». Нет, нам никак нельзя расставаться. Это судьба, которая выдала нам с Машкой ещё один намёк.

Все вы отправляете эсэмэски. Одни – чаще, другие – реже, но отправляете. Правильно? Каждый, наверное, сталкивался с так называемыми трудными словами. Когда приходится набирать слово (если, конечно, не пользоваться встроенным словарём), состоящее из последних букв кнопки. Вот, например: возьмите телефон и наберите слово «яблоко». Ну и как? Вы поняли? Чтобы набрать это простое слово, нужно четыре раза нажать на кнопку с цифрой 9, затем два раза на 2, четыре раза на 4, три раза на 5, три раза на 4 и снова три раза на 5. Сдохнуть можно! Пока наберёшь, изжога начнётся и забудешь, кому и что хотел написать. А теперь читайте внимательно. Возьмите в руки телефон и наберите сначала «Миша», а затем «Маша». Есть разница между нашими с Машкой именами и занудным яблоком? Что у меня в имени, что у неё – все первые буквы. То есть имена, из четырёх букв каждое, набираются однократным нажатием на четыре кнопки. Вы понимаете? Четыре кнопки, четыре буквы, четыре нажатия! И у неё, и у меня. Это ли не провидение? Миша + Маша = любовь!

А вообще, скажу я вам, эсэмэски – опасная штука. Точно говорю. Бывает, что некоторым людям из-за этих сообщений даже требуется операция на руках. С ума сойти. Тут, видимо, мера нужна. Я недавно прочитал в интернете:

«Шестнадцатилетняя американка Энни Левитц привыкла отсылать около ста (!) эсэмэсок в течение суток, а теперь едва может пошевелить обоими запястьями. Подвижность пальцев она практически потеряла, а от диких болей в руках Энни спасают только каждодневные уколы сильного анестетика. Диагноз девочке поставили сразу: синдром карпального канала (или запястный синдром), поражающий в основном спортсменов и людей, подолгу работающих за компьютером. Постоянная нагрузка на запястья приводит к ущемлению нервных окончаний в руках, из-за чего и появляются боли и скованность движений...».

7

Жениться на... Выйти замуж за... Любопытно. Почему о супружеских парах всегда говорят «они поженились», но никогда не скажут, что они «позамужились»? Вы никогда над этим не задумывались? Или вам просто неинтересно? Ну и ладно. А мне вечно дурацкие мысли в голову лезут. Меня очень интересует тема словообразования. Откуда пошли наши слова и разные прикольные словечки. Вот вы знаете, к примеру, откуда взялось слово «невеста»? Оказывается, раньше такого слова на Руси не было. Были «баба», «жёно», «дева» и т. п. А потом девушку на выданье стали называть неизвестной, постепенно «неизвестная» превратилась в «невесту». Да, наша дева никому неизвестна. То есть ещё ни с кем не дружила и в кино с мальчиком не ходила, одним словом, «невеста». А как появилось слово «жених» – не для нашей книги. Я расскажу лет так через пять. Хотя к тому времени, может, появятся новые версии. Действительно, насколько «велик и могуч русский язык»! Дух захватывает. Сколько у нас красивых, самобытных, сочных, звучных, ярких и просто упоительных слов. Я иногда напишу две-три строки и начинаю экспериментировать – рассказываю то же, но другими словами. Вы не представляете, какое это удовольствие. Попробуйте, честное слово. Я приучаю себя вот к чему: перестал говорить «специально», лучше скажу «нарочно», реже произношу слово «оригинальный», стараюсь употреблять – «самобытный» и так далее. А чтобы лучше знать русский язык, я обратился к Гоголю и Чехову. Да, таких учителей не забудешь.

Машка мне как-то прислала эсэмэску: «Миша, у нас в гостях мамины друзья. Представляешь, они дружили со школы, потом поступили в один институт, поженились и пятнадцать лет живут вместе». Ну вот вы что бы ответили? Думаю, то же самое, что и я: «Значит, после школы нам тоже нужно будет поступать в один институт». Странные эти девчонки. Вместо того чтобы сразу написать «хорошо», Машка мне пишет: «Может быть, может быть». Ну я и отвечаю: «Всё в твоих руках». Вот Богом клянусь вам, подумал, что сейчас спросит: «Почему?». И точно! Через полминуты предполагаемый вопрос. Пояснил: «Потому что я-то согласен, теперь слово за тобой». Вы не представляете, как я был счастлив, когда на дисплее моего телефона расцвела надпись: «Я тоже согласна». Ух, ты моя рыбка! В моём телефоне Маша сохранена под ником «Любимая». Не хочется забегать вперёд, но скажу вам: эти ники ой как могут подставить. И подставили...

Вот и скажите мне: мог ли я не поехать к своей сизокрылой голубке, будь на моём пути миллион опасностей? Конечно, если бы кто-то из взрослых понял моё состояние да плюнул на свои дела, мы бы спокойно сели в поезд, автобус или самолёт и мотнулись в столицу Тихого Дона. Всё чин чинном. Повидались, обнялись, поцеловались бы – и по домам.

Но, с другой стороны, не было бы этой истории. Странно в жизни получается. Если всё по правилам – скучно и пресно. Ежели без правил – опасно, но интересно. Тут главное – соблюсти равновесие. Лилия Степановна в таких случаях говорит: «Блюда веру, но знай меру». Я ещё не до конца понял смысл поговорки, однако чувую, что это как раз где-то рядом. Ну, типа на Бога надейся, а сам не плошай.

8

Можно ли считать писателем того, кто не умел писать, но придумывал сказки?

Я слышал, что читателя нужно сразу поймать на крючок, чтобы он не отложил книгу в сторону. Фигня какая-то. Я лично не буду этим заниматься. Вот не буду, и всё! Если вы хотите знать моё мнение: это неприлично. Не надо никого ловить. Знаете, почему? Несколько раз я сталкивался с тем, что захватывающее начало той или иной книги оказывалось фальшивкой, и уже через десять-двадцать страниц я понимал: вряд ли доберусь до финала. Но бывает и наоборот: тот же первый-второй десяток страниц впихиваешь в себя, словно манную кашу в семь утра, но зато потом едва не плачешь, переворачивая последнюю страницу. Такое впечатление, что расстаёшься с лучшим другом или близким родственником.

Признаюсь вам, писать сочинение не так уж и сложно. Нужно просто не врать самому себе, а писать так, словно ты общаешься с другом и твоя душа открыта. Тебе нечего скрывать, незачем обманывать, юлить, хитрить. Чем чище твоя душа, тем ярче будет твоя история, тем интереснее будет твой рассказ. Людям нравится чистота. Понятно, что иногда хочется и грязных книжек почитать, но после них ведь нужно очищаться. А чем? Чем ты очистишь свои мысли? Да, согласен, можно классикой. А можно и современной прозой, поэзией. Я после некоторых интернетовских рассказов читаю и перечитываю Чингиза Айтматова. Помогает. Ещё мне нравятся Марк Твен, Экзюпери и разная-разная фантастика. А ещё очищаться можно сказками. Мне недавно подарили сборник «Сказки народов мира». Только не подумайте, что это книга для детей. Нет, вы не поверите, но даже мой дед нашёл для себя три-четыре интересные сказки.

9

Так, стоп! Меня не останавли, буду бесконечно рассказывать о сказках да о книгах. Лучше покажу вам наши с Машкой эсэмэски, чтобы вы знали, как мы расстались с ней прошлым летом.

Маша: Всё, поезд тронулся. До свидания, мой котик. Я буду скучать. Целую.

Если не возражаете, я между эсэмэсками буду иногда тогдашние свои мысли озвучивать. Получив сообщение из отходящего поезда, я улыбнулся. Почему она меня котиком назвала? В реале никогда не называла. А тут «котик». Я не обратил бы на это внимания, но у нас дома живут кот и кошка. Кошку зовут Маша, а кота... Признайтесь честно, вы подумали что кота – Миша. Нет. Кота зовут Макар, и он в полном подчинении у Машки. Получив странную эсэмэску, я сразу подумал: на что она намекает? Но махнул рукой и ответил.

Я: А я уже скучаю, любимая. Тоже целую тебя.

Маша: Поскорее выздоравливай, мой мальчик. Может, в осенние каникулы увидимся.

Да, нужно пояснить, почему я не поехал провожать её на вокзал. Дело в том, что я в это время валялся на больничной койке с подвешенной ногой. Машина меня легонько стукнула.

Я: Мне кажется, я до каникул не доживу.

Маша: Ты что, Мишка? Сдурел? Никогда мне такое не говори.

Я: Извини. Я имел в виду: может, раньше приеду.

Маша: А как же школа?

Я: Может, закошу под больного.

Маша: Нет, Мишечка, не надо. Потерпи до каникул.

Машка, она вся такая правильная. Вечно меня воспитывает. Летом на качелях она мне целые лекции читала. А иногда была и поэзия. Кстати, она пишет очень красивые стихи. И не только о любви, о зайчиках и котиках. Вот, полюбуйтесь:

Объявлено над Родиной затмение,
Народ коптит неистово стекло.
Сквозь темноту увидят все знамение —
Сияющее чёрное пятно.
Увидеть-то увидят, да вот радости
На лицах незаметно у людей.
На небесах творятся кем-то гадости —
Ни звёзд, ни солнца, ни счастливых дней.

Вот как вы думаете, о чём это стихотворение? Умеет она так подвести, что потом долго ломаешь голову. Это же надо такое ляпнуть – «сияющее чёрное пятно». Я сначала рассуждал: как может сиять чёрное пятно? Ерунда какая-то. Сияют луна, солнце, лампочка, в конце концов. Но что значит «сияющее чёрное пятно»? Вы знаете? Всею своё время.

Я: Хорошо. Если мои не поедут в Ростов, уговаривай своих, чтобы приехали в Москву.

Маша: Попробую. Миш, ты меня любишь?

Смешная. Нашла о чём спросить. А то сама не знает. Девчонки – они такие. Любят по сто раз услышать приятное. Хотя зачем душой кривить, мне тоже нравится, когда что-то хорошее мне по многу раз говорят. Наверное, у всех так. Вот если вам каждый день будут говорить, что вас любят, что вы хороший, красивый, умный и т. п., вам это надоест? Наверное, нет. Или я заблуждаюсь? Тут, скорее всего, нельзя перебарщивать. И действительно! Представляю, если мне каждый день будут говорить, что я хороший, послушный, замечательный мальчик, да я сдохну от скуки или совершу какую-нибудь пакость. У меня есть один приятель, так он прямо говорит: если в течение двух-трёх дней его никто не отругает, у него шкура начинает ходить буграми. И он ищет на свою... голову приключений. И знаете, всегда находит. Вот и я, наверное, из той же породы. Но ладно, читаем эсэмэски дальше.

Я: Очень-очень-очень! А ты?

Маша: Тоже очень-очень-очень.

Я: Читаю книжку, что ты мне подарила.

Маша: Я много тебе книг подарила. Какую именно?

Вот опять. Как будто не догадалась. Ой, Машенька, ты моя миленькая.

Я: Отгадай!

Маша: «Афоризмы о любви»?

Я: Точно. Угадала.

Маша:)

Так, всё. Пошли смайлики. Вы замечали? Если человек вам в ответ начинает присылать смайлики, значит, переписка ему надоела или он просто не может писать подробно. Но тут другое. Уверен, что Марии наша переписка не надоела (впрочем, у меня такое случается). Видимо, мама запретила. Матерям (да и вообще взрослым) вечно не нравится, когда их дети пишут друг другу эсэмэски. Вы помните, как Экзюпери в «Маленьком принце» сказал: «Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать». Хотя, по правде говоря, родители иногда бывают правы. Я однажды в сентябре так заэсэмэсился, что забыл уроки сделать. В результате – пара по биологии.

10

Ученье – свет, неученье – тьма! Так обычно говорят. А я думаю: с чем сравнить рассвет и закат?

Дохвастался, что учусь без троек. Стыдно признаваться, но в этом учебном году умудрился схватить несколько троек. Машка меня ругает, обзывает троечником. Но я пообещал исправиться. Да и самому неудобно. Учился, учился, и на тебе – троечником стал. Даже некрасиво.

Не хотел писать, да трудно удержаться. Нет, выскажусь. Тем более что я обещаю писать искренне и без всяких там приукрашиваний. С математикой всё более-менее ясно: дед мне доходчиво объяснил. Я согласен, без математики никуда. Да и мозги она развивает. Кстати, по математике я немного подтянулся.

Но тут пришла другая беда – биология. Ну ёлы-палы, товарищи авторы, ведь я (как и все семиклассники) поверил написанному в предисловии: «В 7-м классе вы познакомитесь с разнообразием живого мира планеты, получите представление о различных видах растений, животных, грибов и микроорганизмов». Конечно, нам интересно знать о том, что на нашей планете обитает более двух миллионов видов разных живых существ. Любопытно прочесть, как они устроены, чем питаются, как размножаются, какое значение имеют для человека. Мне это интересно знать, даже если бы предмета биологии не было в школе. Спасибо вам, уважаемые составители учебников, за заботу о нашем кругозоре. Но, пожалуйста, в следующий раз, когда будете сочинять новый учебник, не вставляйте в него диковинные и трудно запоминаемые словечки. Неужели вы серьёзно полагаете, что за незнание такого слова, как «хитридиомикот», мне можно ставить двойку? Притом что в школе у меня всё-таки предмет биологии. Но вы хитридиомикотненько умудрились преподать семиклассникам и основы науки микологии. Это что значит? Если мы проходим в школе Льва Толстого, нам уже сегодня нужно непременно одолеть его «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресение»? Зачем, как говорит моя бабушка, бежать впереди паровоза?

Прочитав в учебнике по биологии об автогетеротрофных организмах, я набрёл в интернете на потрясающую статью о древних гетерах. Забавно, как взрослые реагируют на это слово.

– Бабуль, а ты знаешь, кто такие гетеры? – спросил я у бабушки.

Лилия Степановна аж перекрестилась:

– Господь с тобой, Мишенька. Где ты таких гадостей начитался? – побледнела она.

– Почему гадости-то? – удивился я.

– Это не очень хорошие люди, – уклончиво ответила бабуля, – понимаешь... это... ну... как тебе объяснить?

– Может, ты что перепутала? – спрашиваю я. – С чего ты взяла, что это нехорошие люди?

Бабушка нахмурилась. Минуты две молчала. Затем, стиснув зубы, выдала:

– Прекрати всякую ерунду нести! Гетеры. Уроки делай, а не о гетерах думай.

Вот тебе раз. Да я о них и не думал, случайно нашёл. Но я не стал спорить. С моей бабушкой спорить – себе дороже. Однако её реакция меня поразила. Вот же в «сетке» русским языком написано: «Гетэра (от греческого: подруга, спутница) – в Древней Греции женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни. Известные гетеры были, как правило, хорошо образованы. Первоначально термин относился к древнегреческому социальному явлению, позже в переносном смысле распространился на другие культуры».

И что тут плохого? Нормальные тётки. Правда, дальше пишется, что они не всегда правильно поступали. Ну а кто всегда поступает правильно? Все ошибаются, все заблуждаются.

Я после этих гетер пришёл на урок и, хоть тресни, забыл, что в некоторых водорослях содержатся пигменты фикозеритрины и фикоцианины. Вот даже «ворд» мой ругается, наверное, отродясь таких слов не слышал. Скажите честно: а вы помните эти словечки? И вообще они вам часто пригождаются в жизни? Если скажете «да», тогда действительно нужно будет потрудиться и тщательнее изучить саркодовые с их ложноножками – псевдоподиями и простейшие пресноводные с сократительными вакуолями.

Ещё пару абзацев – и мозг мой взорвётся. Вы знаете, что такое «тип саркожгутконосцы»? А фораминиферы, макронуклеусы, трипаносомы, фагоцителлы, энтодермы? Может, вы сходу назовёте, что такое мезоглея или эпителиально-мышечная клетка?

Простите меня, не подумайте, что я издеваюсь над вами. Я привёл всего лишь несколько терминов из учебника биологии для 7-го класса, а их там целый миллион, и один другого мудренее. Вы понимаете, что всё это я должен выучить и рассказать на уроке? Если здесь есть взрослые читатели, не могли бы вы подсказать там, наверху, чтобы нас хоть немного пожалели?

Однажды я чуть не сдох, изучая тему о ленточных червях и сосальщиках. Мои родственники хотели меня тащить к врачу, потому что я два дня ничего не мог есть. Кладу в рот кусок колбасы, а перед глазами «свободноживущий червь с щупальцевидными выростами»... Брр... Хорошо, что этот гад ночью не приснился.

Ладно, бог с ней, с биологией. Во втором полугодии, надеюсь, интереснее будет. Полистал вторую часть: паучки, крабы, бабочки, кузнечики. Да, ещё, если не забуду, попозже расскажу об учебнике обществознания. Прикольный учебничек. Я серьёзно говорю, без иронии. Там всякие игры, но не компьютерные, а словно из жизни. Недавно нам дали задание написать сценарий фильма, в котором неблагополучный подросток связался с группой хулиганов и однажды был «подставлен» этими ребятами. Казалось бы, ничего сложного. Сочиняй и рассказывай свою историю. Только вот я не понял, почему же сразу неблагополучный подросток. И как отличить неблагополучного пацана от благополучного? Вот я, по вашему мнению, какой? Вроде как благополучный. Но если бы вы видели, с кем я связался во время своего путешествия, то упали бы в обморок. Не буду забегать вперёд. Скоро вы всё узнаете.

На чём мы там остановились? На смайликах. В тот вечер наша переписка завершилась виртуальными улыбочками. По приезде домой Машка «намылила» мне такое письмище, я за день прочитал его не менее ста раз. Письмо приводить здесь не буду. Не хочу. Я его распечатал, вложил в конверт и храню у себя в столе, словно оно пришло ко мне обычным путём. А когда приедет Мария, я попрошу её накрасить губы и поцеловать уголок листка, чтобы навсегда оставить память о ней. Вы спросите: как мне такая мысль пришла в голову? Всё просто. Папа мне однажды показал письмо от мамы (куда-то ещё в молодости он уезжал надолго из дому), на котором отпечатан след маминых губ. Вы представляете, какая красота...

Жаль, сейчас почти никто обычных писем не пишет. А электронное не поцелуешь. Расскажу один секрет. Однажды, года два-три назад, мои родители уехали. То ли их действительно долго не было, то ли бабуля меня завоспитывала, я сейчас уже не помню. Но напала на меня тоска. Грустно так стало, аж слёзы на глаза навернулись. Я пробрался в папин кабинет, вынул из конверта мамино письмо, развернул его и поцеловал розовый отпечаток. Вы знаете, полегчало. Честное слово. Видно, в отпечатках губ есть какая-то скрытая энергия. Помню, у меня настроение поднялось. Так что, если будете близкому человеку писать бумажное письмо, непременно целуйте уголок. Женский поцелуй и так заметен, а мужской можно просто обвести кружочком и подписать «Здесь мой поцелуй». Классно, согласитесь! Опять я отвлёкся... Что за чертовщина!

Ясное дело, письмо приводить я не стану, но одну фразочку из него вставлю. В самом конце Машка написала: «Любовь! Самое чудесное, что есть в жизни человеческой, когда

беззаветно приносишь себя в дар любимому. И самое никчёмное, неверное, когда она лишь погоня за счастьем...». И подпись: Р. Роллан. Я долго думал над цитатой. К чему Машка это написала? Странно. Никак не мог сообразить. Но однажды я понял смысл этих слов. Понял во время моего зимнего путешествия.

Я бы и осенью к Машке сгонял, но, скорее всего, не успел бы доехать. Родители такой шум подняли бы, не то что до Ростова, до Воронежа не добрался бы. Потому я запланировал поездку в Ростов-на-Дону в зимние каникулы и стал копить деньги. Всё сложилось, как я и думал. Родители в конце декабря на две недели уехали в Альпы кататься на лыжах, а я остался дома с дедом и бабушкой. Заранее договорился с отцом, что Новый год буду отмечать на даче у друга-одноклассника Юрки Лофичевского, иначе бабушка могла бы и не отпустить. От неё чего угодно можно ожидать. А с отцом она спорить не стала. Ну а дальше сами понимаете: вместо Юрки я собрался ехать в Ростов.

Двадцать седьмого декабря прибыл на автовокзал, но водитель автобуса категорически отказался меня брать. Так и сказал:

– Если бы кто-то из взрослых тебя провожал, ещё бы подумал, а сам – ни-ни... Давай, пацан, дуй отсюда. Ехай домой, ехай!

– Дядь, ну что вы как маленький? – пытался я его убедить. – Я вам денег дам. Пожалуйста.

– И не уговаривай. Не нужны мне твои деньги, – стоял на своём водитель автобуса. – Ты что? Не дай бог что с тобой случится, меня же из-за тебя в тюрьму посадят.

– А вы-то тут при чём? – удивлялся я. – Я ведь мог и тайком проникнуть в автобус. Но я честно подошёл к вам...

– Как это тайком? – вздёрнул брови водитель. – Ты что? Я всё сто раз проверяю, прежде чем отъехать, так что и не пытайся. А если вздумаешь куда-то спрятаться, сдам в милицию, и дело с концом. Понял?

Пришлось мне в тот день домой возвращаться. Если ехать автостопом, то и вещи в дорогу нужны другие.

Я: Маша, у меня облом. Водитель отказался меня брать.

Маша: Почему?

Я: Без взрослых нельзя.

Маша: И что теперь?

Я: Завтра выеду автостопом.

Маша: На попутках?

Я: Да.

Маша: Мишечка, а это не опасно?

Я: Нет. Найду машину до Ростова. 29-го буду у тебя.

Маша: Я так волнуюсь.

Я: Всё будет хорошо. Целую.

Маша: Целую, мой мальчик.

Я:)

Маша:)

Я: Только смотри, чтобы твои родки ничего не узнали.

Маша: Всё как договорились. Приедешь – позвони, я встречу.

Я: Ок.

11

Один мой знакомый пацан, бывший беспризорник Борька, сказал как-то мне, что самые вкусные консервы – просроченные. Сейчас он живёт в хорошей семье (усыновили его), где за датами годности продуктов следят очень внимательно. Говорит, всё это не то – пресно.

В общем, не будем отвлекаться. Скоро в дорогу. Во-первых, я сменил сумку «через плечо» на рюкзак. Рюкзак в дальнюю дорогу удобнее и практичнее: руки свободны. На дно рюкзака положил бумажник с тремя тысячами рублей (говорят: дальше положишь – ближе возьмёшь), фонарик, плеер, две книги – Гоголя «Мёртвые души» и «Рождественские стихи» Бродского, свою книгу (подарок Машке) тоже не забыл. Тетрадь, пару авторучек, карандаши, фотоаппарат, несколько музыкальных дисков, трусы, носки, майку, домашние тапочки. Ноутбук не стал брать и, кстати, не пожалел об этом – позже узнаете, почему. Собрал небольшой продуктовый паёк: колбаска, банка тушёнки (непросроченной, конечно, другой нет), печенье, сыр, полуторалитровая бутылка домашнего кваса (бабуля делает такой квас – с первого раза и не напьёшься). И всё равно свободного места осталось ещё много.

Ладно, если уж говорить правду, то до конца. Каюсь и перед вами, и перед Машкой: до самого последнего момента я сомневался, ехать или нет. Ну что там скрывать? Страшно было. Нет, вы не подумайте, что я трус. Если надо будет, я и в Гималаи могу поехать. Да хоть в Африку. Но было очень страшно. Борька рассказывал, как он всю Россию исколесил с помощью автостопа. Он мне как-то по секрету признался:

– Знаешь, Миша, иногда так хочется плюнуть на всё да свалить куда-нибудь от этих шмоток модных, жратвы, тёплой спальни...

– А как же твои новые родители? – спрашиваю. – Будут волноваться...

– Это и останавливает, – вздыхает Борька. – Они-то люди хорошие, не хочу быть свиньёй в их глазах. Подумают, что я недоволен ими...

– Слушай, – говорю, – Борис, а вот ты ездил по стране. Скажи, опасно? Никто не обижал?

– Всяко бывало, – Борька задумался, – но... понимаешь, Миха... А! – Он махнул рукой. – Не хочу вспоминать. Скажу лишь одно: эти путешествия я не забуду...

12

Дед мой любит говорить: летать можно и без крыльев!

Никогда в жизни вы не догадаетесь, кем были те люди, которые сделали мне в спину два последних толчка и прошептали: поезжай, не останавливайся на полпути, от судьбы не уйдёшь. Баба Лиля – та, ясное дело, обвинила во всём чёрта, который якобы нарочно хотел сделать пакость мне и моим близким. Но у бабушки Лили всегда своё мнение, и её лучше не переубеждать.

Так кто же те люди? Не буду напускать тумана, скажу сразу: первый – художник Юрий Купер. Если вы ещё с ним незнакомы, ныряйте в интернет, там и разузнаете. Если интернета под рукой нет, читайте дальше, я вам расскажу об этом гениальном художнике. Давайте сразу поясню, что произошло. Перед самым отъездом в Альпы мои родители встречались с художником (они друзья), и тот подарил им музыкальный диск. Называется «Я помню...». На нём всего двенадцать песен. Двенадцать, но каких! Я и раньше слышал эти песни и даже некоторые из них пел в караоке. Но! Кто поёт? Вы догадались – поёт художник Юрий Леонидович Купер. Только не подумайте, что я тут организовал рекламную кампанию новому певцу. Во-первых, такие художники в рекламе не нуждаются, а во-вторых, диск записан «исключительно для друзей, не для продажи». Кроме того, художник не просто поёт, но ещё и говорит о сокровенном. Да так говорит, что после его слов ты просто обязан стать путешественником. Хотите послушать? Пожалуйста.

«Прожив довольно долго в этом городе, я до сих пор чувствую себя посторонним. Ради бога не подумайте... У меня совсем нет того, что принято называть ностальгией по городу, в котором я родился и вырос. Наоборот, мне нравится быть в роли отсутствующего путешественника, эмигранта, плывущего вокруг света в каюте с зашторенными окнами, не выходя на берег. Приоткроешь штору, а за ней только дождь и линия горизонта. И я нередко спрашиваю себя: где я? кто я?»

А дальше песня:

Я в весеннем лесу пил берёзовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал.
Что имел, не сберёг; что любил, потерял.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.
И носило меня, как осенний листок,
Я менял города, я менял имена.
Надышался я пылью заморских дорог,
Где не пахли цветы, не светила луна...

Да, правильно говорит моя бабушка: творческий человек – он во всём творец. Это ж надо так спеть! Вот тебе и художник. И если человек в семьдесят лет задаёт такие вопросы: «кто я?», «где я?», то и мне не грех задуматься, кто я и где я.

Линия горизонта. Скольких людей она свела с ума. Мне кажется, если бы люди не стремились прикоснуться к горизонту, мы бы и по сей день жили на сковородке, поддерживаемой тремя весёлыми китами или грозными слонами. Недавно видел в интернете мультяшную картинку на эту тему. А что делаю я? Господи! Я тоже хочу прикоснуться к горизонту! Удастся ли? Нужно попытаться. Кто-то сказал: «Любовь плохо уживается со страхом». После слов «полететь к ненаглядной певунье своей» я твёрдо решил повидаться с Марией. Как ты там, милая? Девочка моя... любимая.

Она, между прочим, ещё и на аккордеоне играет. В первой книге я нарушил все правила драматургии. Чехов сказал, что если в первом акте на стене висит ружьё, то оно обязательно по ходу спектакля должно выстрелить. А у меня в «Качелях» в одной из глав появился добротный немецкий аккордеон, но так и не «выстрелил». Обидно. Удастся ли в этот раз послушать вальс «На сопках Маньчжурии» в Машкином исполнении? Впрочем, зачем расстраиваться? Ну, если и в этой книге не получится, сыграем в следующей. У нас впереди летние каникулы. Да что каникулы – у нас впереди целая жизнь!

Нет, я уехал бы и без второго подсказчика. Но второй окончательно и бесповоротно уничтожил мои сомнения. Это писатель Владимир Набоков. Не удивляйтесь. В последний вечер, чтобы как-то отвлечься, я решил почитать роман Владимира Владимировича «Истинная жизнь Севастьяна Найта». Дошёл до строк «...думал. О чём? О той ли девушке из простых, с мягкими, всё ещё заплетёнными в косы волосами, за которой он как-то раз шёл через поле, нагнал, поцеловал и больше никогда не видел...». Вы помните наше с Машкой поле? Это на всю жизнь...

Вот это «поцеловал и больше никогда не видел» – это... Всё! Я еду! Пусть рухнет мир, но я прикоснусь к этому треклятому горизонту.

Прикосновение первое

До трассы «Дон» я добрался без проблем – общественного транспорта полно: маршрутки, электрички, автобусы. Разыскал придорожное кафе и стал присматривать машины с номерами, на которых регион обозначен числами 61 или 161 – это Ростовская область. Первые две попытки уехать оказались неудачными. В первой машине просто не было места. Второй водитель оказался на редкость подозрительным и ворчливым. Если честно, я, ещё не заговорив с ним, знал, что тут голый номер. Не знаю, то ли это интуиция, то ли я и впрямь взрослою и набираюся жизненного опыта. Харя у него была такая... знаете... вот даже слова не подберу... или вот, вспомнил: ехидная. Прежде чем задать мне вопрос, он покрыл своей нижней губой верхнюю так, что усы его стали похожи на старую и заезженную сапожную щётку.

– Кто ты такой? – освободив верхнюю губу, спросил дядька.

– Ну как это кто? – Пожал я плечами и хмыкнул: – Человек...

– Вижу, что не обезьяна, – буркнул водитель. – Куда едешь и зачем?

– К родственникам, – отвечаю.

– А почему сам? Почему на попутках? Где твои родители? – Мужчина нахмурил брови и, скривившись, зачем-то стал теревить свой подбородок.

– Понимаете, родители уехали в отпуск, а я... это...

– Тайком, что ли, лыжи наострил?

– В смысле? – спрашиваю.

– В прямом! – повысил голос водитель. – Тайком от родителей едешь?

– Ну, в общем-то, да, – признался я.

– Это плохо. Не возьму я тебя, – отрезал мужчина.

– Ну почему, дядь? – попытался я его разжалобить. – Пожалуйста. Понимаете... понимаете...

– Ничего я не понимаю. Ремня бы тебе всыпать, чтобы ерундой всякой не страдал. У меня двое таких, как ты. Вот если бы они так поступили, точно получили бы ремня. Понял? Так что иди, парень, не пудри мне мозги. А лучше сразу поезжай домой. Не ищи на свою... задницу приключений.

Я отошёл в сторону, не стал больше его уговаривать. Понял, что бесполезно. Мой дед в подобных случаях шутит: «Поливай, не поливай – не растут зимой опять!».

«Что же за невезуха такая? – думаю я. – И сегодня уехать не удастся, что ли? Всё-таки как в этом отношении хорошо быть взрослым. Сунул голову в окошечко кассы, внятно произнёс название пункта назначения, выложил денежку, получил билет и поехал, куда твоя душа желает. А здесь ходишь, унижаешься, пресмыкаешься: дяденька-тётенька, возьмите, пожалуйста, я хороший, я пригожий... Тьфу, как всё это надоело! Прямо начинаешь ненавидеть свои «детство, отрочество, юность», вместе взятые.

И тут из кафе вышел ещё один водитель. Что ни говорите, а в который раз убеждаюсь, что доброго человека видно издалека. У него и лицо по-другому слеplено. Эдакое, знаете, морщинисто-лучистое. Серьёзно говорю. Морщины, они ведь разные бывают. Есть такие, что взглянешь на лицо, и сердце не то что в пятки уходит, а проваливается сквозь землю. А есть вот такие, как у этого мужика: пока он шёл к автомобилю, я заметил, как его морщины излучают свет. Лицо у него было добрым и, я сказал бы, реально сияющим. Он подошёл вразвалку к грузовику, на лобовом стекле которого была прикреплена большая табличка с надписью «ПУСТОЙ», а на носовой части кабины вместо марки автомобиля КамАЗ красовалась аббревиатура неведомого никому автозавода «КАЗАК». Водитель нажал на кнопку сигнализации. Я не удивился, когда шофёр сразу согласился взять меня, настолько это было

естественным. Чуть погода выяснилось, что с ним должен был ехать ещё кто-то, но он то ли заболел, то ли остался в Москве на новогодние праздники. Получается, водитель ехал один. И, как мне показалось, он даже обрадовался, что у него теперь появился неожиданный попутчик.

– А сколько вы с меня возьмёте? – робко спросил я.

– А сколько есть? – прищурился водитель.

– Ну, тыща, – говорю.

– Маловато, – отвечает водитель и улыбается.

– А сколько вы хотите? – опешил я.

– Миллион! – громко рассмеялся мужчина, но тут же, похлопав меня по плечу, добавил: – Ты что, пацан, таксиста во мне увидел? Так вроде шашечек на двери нету. Давай залазь в кабину, миллионер! Поехали!

Как я обрадовался! Ловко запрыгнул вовнутрь. В кабине было тепло и уютно. Не кабина, а маленькая квартирка. Серьёзно, чего там только нет. За сиденьем – «спальник»: настоящая кровать с подушкой и одеялом. И шторы, одни – на окне, другие отделяют «спальню» от «рабочего кабинета». В «кабинете» на лобовом стекле, в левом углу от водителя, я заметил фотку девушки. Ну, там, где обычно шофёры талон техосмотра вставляют. Знаете? «Наверное, дочка», – подумал я. Посередине стекла болтался на приткой резинке крошечный смешной гномик. Внизу с моей стороны – упомянутая табличка. В верхнем правом углу лобового стекла – блестящий «паучок» с множеством лап, но одна из них, слишком длинная и вертлявая, касалась нижней кромки. Я пощупал указательным пальцем «брюшко паука» и вопросительно взглянул на водителя.

– Камень прилетел, – вздохнул водитель. – Приеду домой, нужно будет стекло менять. Иначе техосмотр не пройти.

– А это кто у вас на фотке? – спросил я.

– Дочка, – ласково произнёс водитель. – Лапушка моя.

– Я так и подумал, – говорю. – Красивая.

– Догадливый ты, хлопец. Тебя как зовут-то? – спросил водитель.

– Миша, – отвечаю.

– А меня Фёдором. Захочешь вздремнуть, – кивнул он назад, – пожалуйста! Только ласты снимай.

Я рассмеялся:

– Какие же это ласты, дядь Федь? Это угги.

– Да мне побоку, – махнул он рукой и завёл двигатель, – я любую обувь ластами называю. Ну что? С Богом?

– Угу, – закивал я. – С Богом!

Шофёр перекрестился, включил передачу, и сзади нас протяжно скрипнул полуприцеп. Водитель ловко объехал стоящий на обочине напротив кафе самосвал и вырулил на дорогу. Я обратил внимание на его левую руку. Средний и указательный пальцы с внутренней стороны были коричнево-жёлтыми от табака. «Наверное, левша», – подумал я, но ошибся. Позже я понял, почему Фёдор держит всегда папиросы в левой руке: во время езды удобнее стряхивать пепел в окно. А пепельницей в машине он не пользовался. Остальные пальцы на его руках были испещрены тёмными узорами. Я не раз замечал, что у водителей большегрузных машин именно такие пальцы, словно разрисованные чёрной краской.

– Музыку любишь? – спросил он.

– Люблю, – отвечаю.

– Какую?

– Да разную, – говорю, – мне всё равно.

– Хорошо. В дороге послушаем. Ты хоть Расскажи о себе. Да, кстати, у тебя документы какие-нибудь есть? – вдруг спохватился водитель.

– Есть, – похлопал я себя по груди в том месте, где находился внутренний карман куртки, и добавил: – Ксерокопия свидетельства о рождении.

– А паспорт? – удивился он. – Паспорта нет, что ли?

– Мне ещё рано, – расплылся я в улыбке. – Паспорт в четырнадцать выдают. А мне только тринадцать...

– Опана, – вздёрнул брови водитель и нажал на тормоза, – э-э-э, парень, это другой коленкор...

– Что значит другой? – испугался я. – Разве это важно?

– Да мне-то всё равно, – ухмыльнулся Фёдор, остановив грузовик на обочине, – а менты проверят, что будешь говорить?

– Ну-у, – я замялся, – как что? Скажу: еду к родственникам в Ростов-на-Дону Новый год встречать. А что, нельзя?

– Встречать Новый год? Можно! А вот ехать в такую даль одному тебе нельзя, тем более в тринадцать лет. Что будем делать?

– Дядь Федь, – взмолился я. – Ну что мы, не объясним им? Они тоже люди. Придумаем что-нибудь. Меня же там ждут, понимаете. Хотите, дам эсэмэски почитать?

– Да что мне твои эсэмэски, Миха? Если хочешь что-то придумать, так придумывай сейчас, а не тогда, когда тебя загребнут. Что замолчал? Давай-давай!

– Что давать-то? – не понял я.

– Ну ты кадр, Миша, – рассмеялся водитель. – Легенду, говорю, давай. Кино видел, как разведчиков в тыл к врагу забрасывают? Там у каждого своя легенда. Вот и ты соображай свою легенду.

– Я же не к врагам в тыл еду, – возразил я.

Но шофёр, посерьёзнев, прикрикнул:

– Ты давай не спорь со мной. Придумывай легенду или дуй обратно в кафе. Я тебе объясняю: если менты что-то заподозрят, они тебя арестуют и переправят домой. Дома-то знают, где ты путешествуешь?

– Нет, – говорю. – Думают, что я у друга на даче.

– Ну вот видишь, ещё и меня могут напярчь за то, что вывез тебя за пределы Московской области.

– А может, мне в спальнике спрятаться и носа не показывать? – предложил я.

– Не пойдёт, – замотал головой Фёдор, – если обнаружат тебя в кабине, ещё хуже будет. Могут такого нагородить, что будешь потом век оправдываться. Они же спрашивают, с кем еду. Ты что предлагаешь, врать им? Нет, это не вариант. Ты это... лучше скажи так: живёшь в Ростове, у тебя же в свидетельстве о рождении штампа прописки нет, дескать, сейчас каникулы, приезжал в Москву к другу. Не один, а, допустим, с бабушкой или дедушкой. Далее так: тебя оставили в Москве на праздники, ну там, на ёлку сходить, туда-сюда, а бабушка уехала. Должна была приехать, забрать после Нового года. А тут, мол, соседи позвонили, бабушке плохо, вызвали скорую, увезли в больницу, ну, типа боты уже надувает...

– Что надувает? – округлил я глаза. – Не понял. Какие боты?

– Вот тормоз, – ухмыльнулся он, – ну, я к тому, что бабушка умирает в больнице...

– Моя?

– Ну не моя же! Ты что, Михаил, так притормаживаешь? Чтобы тебя не задержали, нужно ментам рассказывать что-нибудь жалостливое и правдоподобное.

– Вы считаете, что бабушка умирает – это правдоподобно? – усомнился я.

– Конечно, – хмыкнул Фёдор, – бабушки все рано или поздно боты... в смысле умирают.

– Не накликать бы беду, – тихо сказал я. – Как-то страшно мне говорить такое о своей бабушке.

– Ты ещё и суеверный? – рассмеялся шофёр. – Ну ты даёшь! Да речь-то идёт не о твоей бабушке, а о вымышленной старухе. Твоя бабка где живёт?

– В Подмоскowie, – отвечаю.

– Ну вот, – смеётся он. – А бабушка из легенды – в Ростове. У тебя есть бабушка в Ростове?

– Нет, – замотал я головой.

– Ну вот и всё, – хлопнул меня по плечу Фёдор, – значит, ни на кого не накликаешь. Понял?

– Понял, – отвечаю.

– Ну-ка повтори, – потребовал он. – Только с выражением, так, словно ментам рассказываешь...

Я, нахмурившись, повторил легенду и тяжело вздохнул.

– Ладно, пойдёт, – махнул рукой водитель и, тронувшись, добавил: – Только, когда будешь говорить, морду покислее делай. А то будто стихотворение под ёлкой рассказываешь.

– Хорошо, – буркнул я.

– Так, ну что? Врубай музон, что ли, – предложил Фёдор.

– Радио? – спрашиваю.

– Ну да, пока от Москвы далеко не отъехали, можно что-нибудь найти. Там в бардачке и диски есть, но меня уже от них тошнит. Всё на сто рядов переслушал. Наизусть знаю...

– А у меня тоже диски есть! – вспомнил я и полез в рюкзак.

– О! – обрадовался Федя. – А ну покажи, что там молодёжь сейчас слушает?

– Да это не молодёжь, – рассмеялся я. – Это дед мне купил. Он слушал лет, наверное, сорок назад. Прикольная музыка.

– Серьёзно? – удивился он. – Дай-ка взгляну.

– Вот, смотрите, – я протянул ему три диска Pink Floyd, Deep Purple и Uriah Heep.

– Ни фиги себе, – присвистнул водитель. – Здорово! Мы тоже в молодости это любили.

И как тебе? Нравится?

– Угу, – кивнул я.

– Но ты знаешь, Михаил, такую музыку нужно не за рулём, конечно, слушать. Согласен?

– Согласен, – кивнул я и, протягивая ещё один диск, добавил: – У меня вот что ещё есть.

– О! А это кто? – Федя прочитал вслух. – Юрий Купер, «Я помню...». Что-то я такого певца ни разу не слышал. Новый, что ли?

– Это не певец, – говорю. – Это художник. Очень известный.

– Ничего не понимаю, – нахмурил брови шофёр. – Художник? Но это же музыкальный диск?

– Ну да, – улыбнулся я. – Просто он любит петь, ну и записал диск. Юрий Леонидович дружит с Александром Маршалом, а у того своя студия. Вот они и записали двенадцать песен. Это некоммерческий проект. Читайте, что здесь написано: «Только для друзей, не для продажи».

– Ясно, – кивнул Федя, – как красиво оформлено. Прямо загляденье...

– Ну так художник же, – говорю.

– Слушай, – воскликнул он – а ты откуда всё это знаешь?

– Юрий Леонидович – друг нашей семьи. Он у нас бывает в гостях, а мы – у него.

– Тогда понятно. А ну-ка поставь диск. Песни-то хоть классные?

– Старинные, – говорю.

– Романсы?

- Нет, – рассмеялся я. – Такие, военные, что-то типа шансона.
- Давай послушаем. Любопытно очень. Сколько ему лет?
- Под семьдесят, – отвечаю. – Он на моего деда похож.
- Ха! – хмыкнул Фёдор. – Деды все друг на друга похожи... Ну, врубай. Послушаем.

Я включил проигрыватель. Может, вам повезёт и вы когда-нибудь станете счастливым обладателем такого уникального диска. Когда услышите голос Юрия Леонидовича, вы согласитесь со мной: такой голос может принадлежать только художнику. Ни певцу, ни актёру, ни... словом, только художнику.

«В ту ночь я почему-то вспомнил деда. Дед, который казался мне волшебником. Но почему-то он умер. И соседи поручили мне нести венок на кладбище. Я шёл впереди процессии обитателей коммуналки и плакал. Мне не верилось, что я больше не увижу этот серебристый, пепельный, волшебный конус. В ту ночь я вдруг вспомнил и открыл для себя мой мир – мир, от которого мне уже не уйти. Надо созерцать, думал я, то есть смотреть долго-долго, всматриваясь в почти невидимое... За окном светало, и всё становилось более ясным и очерченным. Мне было страшно, что скоро наступит утро. Я закрыл глаза и лежал, прислушиваясь к тихому и ровному дыханию...»

Тёплый ветер дует, развезло дороги,
И на южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге,
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.
Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах
Где-нибудь когда-нибудь мы будем говорить.
Вспомню я пехоту и родную роту
И тебя за то, что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой...

Взглянув на своего спутника, я вдруг увидел, что по его щеке катится слеза. Я сделал вид, что не заметил. Не всегда можно и должно смущать незащитных взрослых. Им лишь кажется, что они хозяева жизни и знают больше нас, своих детей. Но это не так; на самом деле взрослые – просто выросшие дети. Они точно такие же, как и мы, только у них проблем больше.

Я: Как ты там, милая?

Маша: Всё хорошо. Как ты?

Я: Уже еду.

Маша: На чём?

Я: Большой грузовик. Водитель – ростовчанин.

Маша: Долго ехать?

Я: Не знаю. Но говорит: утром по-любому будем в Ростове.

Маша: Очень переживаю.

Я:)

Маша: Жду:)

- Эсэмэски строчишь? – спросил Фёдор, дослушав песню.
- Угу, – кивнул я.
- Любовь-морковь? – рассмеялся он.

– Ну... типа, – уклончиво ответил я.

– У меня тоже в молодости как-то эсэмэски приключились. В армии, 1978 год.

– Шутите, – не поверил я. – Разве в 1978 году были эсэмэски?

– У меня были, – уверенно сказал водитель. – Не веришь?

– Ну, – пожал я плечами, – как-то... это...

– Что «ну», что «ну»? – рассмеялся он. – Слушай, салага.

– Как вы сказали? – насторожился я.

– Салага! – повторил он. – Не обижайся, это не обидное слово. Так обычно молодых в армии называют, но без злобы, любя, по-дружески.

– Понятно, – кивнул я и подумал: «Чую, с дядей Федей мой лексикон расширится основательно».

– Ну так вот, – продолжил мой спутник, – слушай: нас после учебки (это в армии типа школы) откомандировали в другую часть. Сутки ехать в поезде. Плацкарта. Народу как селёдки в бочке. А напротив меня ехала очень симпатичная девчонка. Я к ней и так и этак, а она ноль внимания. Всё косится на какую-то старуху. Как потом оказалось, это её бабка. Думаю: как же мне познакомиться с девушкой? Красивая. Думал, думал и придумал. У меня в вещмешке лежал блокнот. Чистый, ни одной записи – друг перед расставанием в учебке подарил на память. Ну, я достаю блокнот и пишу в нём: «Ты мне нравишься. Давай познакомиться. Фёдор». Старуха носом куняет, то есть дремлет. Я подвинул блокнот девушке. Та, видя, что старушка посапывает, пишет мне в ответ: «Я с бабушкой. Лариса» – и подвигает мне блокнот. Ну и понеслось. Блокнот туда-сюда, туда-сюда... Чем не эсэмэски?

– Да, – согласился я, – очень похоже.

– Ну а я тебе что говорю? Слушай дальше.

«Куда едешь?»

«В Свердловск» (это бывший Екатеринбург).

«Лора, сколько тебе лет?»

«Семнадцать. Только не называй меня Лорой. Терпеть не могу».

«Хорошо. А как тебе нравится?»

«Просто Лариса...»

«Лариса, у тебя парень есть?»

«Был, да сплыл».

«Что случилось?»

«Поссорились».

«Бывает, но ещё помириться».

«Нет. Уже не помиримся».

«Всё так серьёзно?»

«Да...»

«А со мной хочешь дружить?»

«Федя, какой ты быстрый!»

«Так я же солдат. Некогда тары-бары разводить. Я тебе нравлюсь?»

«Не знаю».

«А ты мне очень нравишься. Я о такой девчонке мечтал».

– Это вы что? – спрашиваю я у дяди Феди. – В смысле по уху ей решили проехать?

– Миха, ты что? – Водитель даже на мгновение оторвал взгляд от дороги. – Ну ты даёшь. Понравилась она мне. Врубаешься?

– Ой, извините, – смутился я. – Думал, что просто прикалывается. А разве вас никто в армию не провожал?

– Почему провожал-то? – передразнил он меня. – Провожала...

– Ну да, извините, оговорился.

Я так понимаю, с этим дядей Федей ухо нужно держать востро. Ничего не пропустит, обязательно передразнит, подколет.

– Провожала, только я и учебку не успел окончить, как она замуж вышла. Мать приезжала ко мне в часть. Говорит: сынок, крепись, Наташка твоя замуж выскочила. А что мне крепиться? Я в армию уходил, знал, что она не дожждётся.

– Почему? – удивился я.

– Ну, знал... Рано тебе ещё об этом рассуждать.

– Хм, рано, – усмехнулся я. – Это ещё почему?

– Так, Миха, дальше мои эсэмэски слушаешь или нет?

– Слушаю, слушаю, – спохватился я, испугавшись, что Федя прекратит рассказ. А ведь интересно – жуть! Вы когда-нибудь читали эсэмэски семидесятых годов прошлого века? Читайте дальше.

«Ой, хватит врать-то!»

«Серьёзно, Лариса!»

«Ещё Расскажи мне сказку про любовь с первого взгляда».

«Лариса, ты целоваться умеешь?»

«Ты на что намекаешь?»

«Не намекаю, просто спрашиваю».

«Ой-ой! Хитренький какой!»

«Смотрю на твои губы, и аж сердце останавливается».

«Фёдор, прекращай!»

«Пойдём в тамбур».

«Зачем?»

«Поцелуемся».

«Нет».

«Лариса, можно ещё разок спросить: я тебе нравлюсь?»

«Ну, да...»

«Я жду тебя в тамбуре...»

– В общем, пришла Лариска.

– И что? – замер я. – Дальше что? Вы хоть поцеловались-то?

Фёдор громко рассмеялся. Долго утирал слёзы. Потом, откашлявшись в кулак, сказал:

– А дальше, Миха, мы целуемся с ней уже тридцать два года.

– Ни фига себе, – я от неожиданности даже подпрыгнул. – Так, значит, вы поженились?

– Нет, – съязвил он. – Всё по тамбурам прячемся.

– Круто, – облегчённо вздохнул я. – Приеду, Машке расскажу. Потрясная история.

Потрясная и трогательная очень...

– Слушай, Михаил, – водитель вдруг резко сменил тему. – А ты ведь так и не рассказал мне ничего. Кто, откуда, куда едешь, к кому. Или это секрет?

– Да никакого секрета нет, – отвечаю. – Что рассказывать? Живу и учусь в Москве. В Ростове у меня девчонка живёт. Последний раз виделись летом, вот и решил, пока каникулы, съездить в гости.

– А родителям почему не сказал? – удивился Федя.

– А что я им скажу? Влюбился? – ухмыльнулся я.

– Да хоть бы и так. А что тут такого?

– Да ничего, но... – Я задумался.

– А что «но»? Родителям нужно правду говорить, – вздохнул он и мельком взглянул на портрет девчонки. Видимо, не всё так радужно у него с дочкой.

– Могут же быть и секреты? – возразил я.

– Да какие, на хрен, секреты могут быть от родителей? Вы одного не можете понять, – Фёдор постучал себя пальцем по лбу, – родители всё это давно прошли и... Как бы тебе доходчивее объяснить? Вот смотри: бывает, ты принял решение, а потом выясняется, что ошибся? Решение оказалось неправильным или не совсем верным. Бывает?

– Бывает, конечно, – кивнул я.

– А если бы ты посоветовался с родителями или, допустим, с дедом, бабушкой, то мог бы и не ошибиться. Но тут другая загвоздка. Вы, даже когда советуетесь, иногда не всё говорите. То есть и совет хотите получить, и ещё приврать слегонца. А чтобы правильный совет дать, я как отец должен знать правду, а не фантазию. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул я и, набравшись смелости, спросил: – Вы дочку вспомнили?

– Ну а кого же? Нетрудно догадаться. Такая врунья стала, уму непостижимо. И, главное, врёт даже тогда, когда врать-то вовсе и не нужно, то есть так, по инерции. Скажи, ты часто врёшь родителям?

– Бывает, – признался я.

– А зачем?

– Разные ситуации бывают, – отвечаю я уклончиво.

– А не пробовал вообще не врать?

– Пробовал, – говорю.

– И что?

– Хотите откровенно, дядь Федь? – улыбнулся я.

– Хочу! – воскликнул водитель. – Хочу, Миха.

– Понимаете... – начал я, но осёкся: – Только без обид, ладно?

– Договорились! – сказал Фёдор и протянул мне руку.

– Конечно, – продолжил я, пожав руку водителю, – взрослые хотят слышать от нас всю правду. Но, во-первых, взрослые и сами иногда привирают, а во-вторых, чтобы мы говорили вам стопроцентную правду, мы должны быть уверены, что не сделаем себе хуже.

– Это ещё как? – удивился он.

– Недавно один мой знакомый из нашей школы признался родителям, что несколько раз пробовал курить травку...

– И что?

– Все осенние каникулы дома просидел. Ни в кино, ни гулять, ни даже к девчонке не отпустили. Вот и говори правду после этого. А ведь родители сами и не догадывались, что он уже курил с пацанами. Понимаете?

– Строгие, наверное, родители? – спросил Федя.

– Слишком строгие, – поправил я. – Так нельзя. Он же больше им ничего не скажет. А вы бы что сделали?

– Блин, – тяжело вздохнул он, – вопрос непростой. Если бы только покурил, это одно. Но тут... эта гадость... Это же... это трагедия для родителей.

– Какая трагедия? Он же сам признался... Зачем было его унижать после этого? Ну, поговорите с ним, объясните, что почём. Мы не тупицы... Мы всё понимаем. Вы что, думаете, я не знаю, что это такое? Или не понимаю, что это может привести к тяжёлым последствиям? Понимаю. И приятель мой понимал. Но ошибся. Кто не ошибается? Так он сам пришёл и во всём сознался. В результате чуть со своей девчонкой не поругался.

– А девчонка тоже курила? – вздёрнул брови Федя, да так смешно, что я не сдержался и прыснул в кулак.

– Ну при чём тут «курила»? – говорю. – Она на все каникулы осталась одна. Подружки с пацанами, а она, как вдова, ходит одна. Ни в кино, ни потусоваться.

– А-а, ты в этом смысле. Ну да, это не совсем «гуд». Тут я с тобой согласен. Хорошо. А вот ты что бы сделал на месте родителей своего приятеля?

– Если честно, ничего.

– Нет, ну это не разговор, – махнул рукой мой спутник. – Как это ничего? Может, ещё по головке его погладить?

– Да, – решительно ответил я. – Погладить! Ну, дядя Федя, как вы не поймёте? Он сам рассказал! Понимаете? Сам пришёл и всё выложил. Если говорить по справедливости, то родители не имели права его наказывать. Потому что ничего не знали. А потому должны были похвалить или, как вы говорите, по головке погладить за правду, а потом читать лекции. В самом деле, я по себе знаю: лучше с меня слово взять, что я больше не сделаю то или иное, чем ругать и наказывать.

– Ты смотри, – хмыкнул он, – а ты гусь не простой.

– Ну вот, – нахмурился я, – и откровенничай с вами после этого...

– Обиделся, что ли? – Водитель слегка толкнул меня в плечо. – Ладно, чего ты. Я шутя. Не дуйся, больше не буду обзывать.

Немного помолчав, я спросил:

– А вы как поступаете с дочерью? Как её зовут?

– Светка, – сказал Фёдор и, почесав макушку, добавил: – Тоже иногда гулять не отпускаю. Но ей скоро шестнадцать. Как её накажешь? Не ремнём же... Да и девка всё-таки. Чёрт его знает, как правильно... Да... Но я с тобой согласен, Миха, что за правду наказывать нельзя. На сто процентов согласен.

Какое-то время мы ехали молча. Фёдор о чём-то крепко задумался, а потом вдруг сказал:

– Ладно, Миха, откровенно, так откровенно. А как ты относишься к наказанию, допустим, ремнём? То есть к физическому наказанию?

– Плохо, – ответил я. – Очень плохо.

– А как же Библия?

– А что, в Библии рекомендуют лупить детей ремнём? – удивился я.

– Ну, образно. Там вроде как пишется: мол, не хочешь потерять сына своего – не жалей розг для него.

– Не знаю, – продолжил я. – Вы хотели услышать моё мнение? Я лично против такого наказания. Мне кажется, взрослые должны уметь объяснять словами.

– Ну а если дитя слов не понимает? – насупился Федя. – Вот тебя наказывали ремнём?

– Было пару раз, – признался я. – Но... сдаётся, отец сам потом сильно жалел об этом. Я пришёл к такому выводу: если ребёнок не понимает слов, значит, либо взрослые не те слова говорят, либо сами не знают, чего хотят от ребёнка.

– Это ещё как? – вздёрнул брови мой собеседник.

– Я пока не могу это объяснить, – честно сказал я. – Эта мысль у меня где-то внутри сидит. У меня есть знакомые сверстники, которых родители постоянно наказывают физически.

– И что они, твои сверстники, говорят? Помогает?

– Не-а. Некоторые даже назло что-то не так делают. Так и говорят: если бы попросили по-доброму, я бы послушался.

– Но ведь не все такие, верно? Кто-то же делает выводы? Понимает, что, если что-то не так, получит. А как ещё добиться послушания?

– Какие выводы, дядь Федь, – возразил я. – Это послушание вынужденное. Лупить ребёнка ремнём – это значит унижать его. Понимаете?

– Ну, это ты лишка хватил. При чём тут унижение?

– Самое настоящее унижение. Взрослый просто сильнее, вот и машет ремнём. А представьте ситуацию, когда силы равны. Стал бы отец бить ребёнка? Почему взрослых детей не лупят? Потому что можно и сдачи получить. Правильно? А слабого можно наказывать и

не бояться последствий. Да, пацан или девчонка, конечно, сделают вид, что послушались, и будут стараться соблюдать указания, но это не из-за того, что они стали лучше и сознательнее. Нет. Просто они боятся. То есть родители делают из них трусов. Но, извините, уважения ремнём вы всё равно не добьётесь. Вы знаете, что я заметил? Те дети, которых наказывают физически, они какие-то не такие...

– В смысле? – перебил он меня. – Что значит не такие?

– Ну как бы вам правильно сказать. Хитрые, что ли. И подленькие, изворотливые. Они никогда не говорят прямо, всегда намёками. А если что-то натворят, начинают валить на других. То есть они правды боятся как огня.

– Правды, говоришь, боятся, – усмехнулся он. – Ну а ты вот зачем наврал своим, что поехал к другу? Ты правильно поступил?

– Неправильно, – согласился я. – Но я по приезде всё равно расскажу своим, что ездил в Ростов. Не стану врать. А наврал потому, что никто меня не отпустил бы.

– Ну, и ты считаешь это нормальным? – язвительно спросил Фёдор.

– Нет, конечно, – нахмурился я. – Но... так вот вышло. Что теперь делать? Приеду, покаюсь.

– А не боишься, что отец всыпет? – спросил он.

– Ну, за такое может, наверное, и всыпать. Но вряд ли. Я думаю, отец поймёт меня. Нет, точно не всыпет. Я уверен. Но разговор, конечно, будет тяжёлым. – Я вдруг рассмеялся.

Шофёр посмотрел на меня изумлённо и сказал:

– Вот дурачок. Ну что с вами делать? Говорит, что будет разговор тяжёлым, а сам хохочет.

– Ну а что мне теперь делать? – развёл я руками. – Плакать? Мне сейчас главное – Машку увидеть. А потом будь что будет. В любом случае я не жалею, что поехал.

Шофёр, потянувшись за пачкой сигарет, спросил:

– Не балуешься?

– Нет, что вы, – смутился я.

– И не пробовал ни разу?

– Пробовал, но мне не понравилось.

– И правильно, – подмигнул мне водитель, – лучше и не начинай. Такая зараза, хрен потом отвяжешься.

– А вы зачем начали? – спросил я.

– Потому что дураком был, – хмыкнул Фёдор. – Всё скорее хотелось стать взрослым. И вот уже тридцать пять лет дымлю. Сам ненавижу эту гадость.

– Так, если ненавидите, бросьте, – рассмеялся я.

– Э-э-э, братко, было бы так просто, давно бы уже бросил. А тут ещё работа такая. Не будешь курить – уснёшь за рулём и нырнёшь в кювет.

– Это правда, что водитель может за рулём уснуть? – спросил я с удивлением. – Я слышал об этом, но думал, что это шутка.

– Правда, правда, Миха, – тяжело вздохнул он, видимо, что-то вспомнив. – Чистейшая правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.